

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ЦИЦЕРОНА В КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА*

Анна Смирнова

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

TRANSLATIONS OF CICERO IN LOMONOSOV'S A BRIEF GUIDE TO ELOQUENCE

Anna Smirnova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article examines Mikhail V. Lomonosov's translation techniques and idiolect in his *A Brief Guide to Eloquence* (1748), with most of the examples being translated fragments of European literature. A comparison of the translated fragments from Cicero (the author analyses 82 excerpts from the antique orator's works) with Lomonosov's own Latin texts makes it possible to see some features of Lomonosov's translation techniques. Except for the translated fragments included in the textbook on rhetoric, some of Cicero's works were entirely translated into Russian in the eighteenth century. The author also compares Lomonosov's translated fragments from Cicero (*Cic. Leg. Man., Cat., Arch., Har. resp.*, etc.) with translations by K. Kondratovich, which were released twenty years after those by Lomonosov. The aim of the research is to show the peculiarities of Lomonosov's translations, resulting both from the specifics of his translation techniques and the task of these texts as examples of Russian eloquence. The comparative method allows the author to conclude that Lomonosov managed to adequately convey the content and form in his translations and to recreate the style while closely adhering to the original – all this convinced him that the Russian language 'stands out among all the languages of Europe in its grandeur and richness'. In Lomonosov's translation techniques, there is a tendency for word-by-word translation and an attempt to preserve the Latin syntax; there is also a noticeable tendency to replace specific ancient culture-specific concepts with modern ones (a principle dating back to humanistic translations into Latin and vulgar languages).

* Citation: Smirnova, A. (2020). Translations of Cicero in Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520.

Цитирование: Smirnova A. Translations of Cicero in Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520 / Смирнова А. Переводы из Цицерона в *Кратком руководстве к красноречию* Михаила Ломоносова // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520.

The translator's adherence to the original is of practical importance for historians of literature and allows us to determine when the original text was taken from textbooks on rhetoric.

Keywords: M. Lomonosov; Cicero; K. Kondratovich; translation; Latin; Russian.

Исследуются переводческая техника и язык М. В. Ломоносова на материале «Краткого руководства к красноречию» (1748), большая часть примеров в котором являются переводными фрагментами европейской литературы. Сопоставление переводов фрагментов из сочинений Цицерона (всего процитировано 82 фрагмента из разных сочинений античного оратора) с оригинальными латинскими текстами позволяет увидеть некоторые особенности ломоносовской техники перевода. Помимо этих самых ранних из доступных нам и включенных в риторический учебник переводов, некоторые сочинения Цицерона были переведены на русский язык целиком в XVIII в. В статье также приводится сопоставление ломоносовских переводных фрагментов из речей Цицерона (о законе Манилия, против Катилины, в защиту Архия поэта, речь об ответах гаруспиков и др.) с переводами речей, выполненными К. Кондратовичем позднее Ломоносова. Цель работы – показать особенности переводов Ломоносова, обусловленные как спецификой его переводческой техники, так и задачей рассматриваемых текстов – служить образцами русского красноречия. Сопоставительный метод исследования позволяет сделать вывод о том, что Ломоносову удавалось адекватно передавать содержание и форму, находить языковые средства для воссоздания стиля, при этом близко придерживаясь оригинала, – все это служило для него убедительным доказательством того, что русский язык «собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе». Пословный перевод и попытка сохранить латинский синтаксис в переводческой технике Ломоносова иногда сменяются приведением синтаксиса к более привычному русскому виду. Характерная для перевода замена специфических античных реалий на современные – принцип, восходящий еще к гуманистическим переводам на латынь и народные языки. Обнаруживаемая верность переводчика синтаксису оригинала имеет теперь практическое значение для историков литературы и позволяет установить, когда классический текст брался из риторических учебников.

Ключевые слова: М. Ломоносов; Цицерон; К. Кондратович; перевод; латинский язык; русский язык.

В истории развития переводческой теории в Европе от Цицерона¹ до наших дней² различают перевод дословный (*ad verbum*) и пе-

¹ Римские авторы, разумеется, под переводческой деятельностью понимали перевод с греческого на латынь. Так, Цицерон был сторонником «свободного» перевода, не передающего оригинал «слово за словом» (Cic. *De orat.* 1, 155, *De optimo genere oratorum*, V, 11, 14) [Translation – Theory and Practice, p. 21]. Гораций считал, что главное – передать убедительность текста (Hor. *Ars P.* II, 128–144), а Квинтилиан писал, что следует не только подражать греческим моделям языка, но и стараться их превзойти (Quint. *Inst.* X. 5, 2–3).

² Обзорные работы, посвященные европейской истории перевода: [Gillespie; Korenjak, S. 142–154]; теории перевода: [Translation – Theory and Practice, p. 17–188; Haßler].

ревод по смыслу (*ad sensum*)³; на технику перевода влиял исторический и культурный контекст, в котором проходила деятельность переводчиков. Если в Античности римляне переводили греков *ad sensum*, оставляя возможность для состязания в красоте языка, использовании художественных и стилистических приемов, то в XV–XVI вв. в Европе стал практиковаться перевод *ad verbum*, имевший, в частности, педагогическую задачу: греческий и латинский тексты часто печатали билингвой для удобства учеников, многие из которых по таким изданиям изучали греческий язык самостоятельно [Botley, p. 164–177]. С начала развития народных языков переводы с латинского выполнялись для лексического обогащения и риторического совершенствования языка национального, а вскоре – и для демонстрации его достоинств и самостоятельной значимости [Haßler, S. 1022].

В России до XVIII в. с греческого языка переводились преимущественно священные тексты. Их переводчики стремились к максимальной точности, дословности в передаче оригинала, в других случаях практиковались и переводы по смыслу⁴. В Петровскую эпоху благодаря государственной поддержке переводческая деятельность развернулась широко – переводили европейские технические, науч-

³ Дословный перевод – подстрочник – помогает разобраться в синтаксисе иноязычного предложения. Перевод по смыслу является сейчас общеупотребительным и повсеместным [см.: Шабага], а общие правила его были сформулированы еще в XVI в., например, Этьеном Доле (*La manière de bien traduire d'une langue en aultre*, 1540, пер. по: [Translation – Theory and Practice, p. 74–76]):

– Переводчик должен прекрасно понимать смысл и сущность автора, которого он переводит, так как в этом случае он никогда не будет неясным в своих переводах, и если автор, которого он переводит, труден, он сможет в любом случае интерпретировать его просто и понятно.

– Переводчик должен в совершенстве владеть языком автора, которого он переводит, а также языком, на который он собирается переводить.

– В переводе не должно быть рабского служения и передачи оригинала слова в слово. Если кто-то этим занимается, он действует так из-за недостатка или отсутствия знания.

– Необходимо соблюдать правило об употреблении адекватных современных терминов при переводе.

– Необходимо соблюдать правило о красоте стиля («ораторские числа») переводчика (текст должен быть хорошо выстроен, как хорошо настроенный музыкальный инструмент).

⁴ О вопросе о теории перевода, существовавшей в России в XVII в., см.: [Матхузорова, с. 25–55]. Автор выделила и описала пять переводческих теорий: открытую теорию перевода Иоанна Экзарха Болгарского (по смыслу), вольный перевод (для светской литературы), теорию перевода «от слова до слова», связанную со стремлением согласовать славянский текст с авторитетным греческим (переводы литургических произведений), грамматическую теорию перевода (стремление избавить славянский текст от иностранных влияний), синтетическую теорию перевода (обновленные приемы перевода из более ранней переводческой практики). Д. М. Буланин разделил бытовавшую в средневековый период практику перевода на грамматическую теорию и теорию пословного перевода [Буланин, с. 26–27]. С. И. Николаев признает существование во второй половине XVII в. двух концепций перевода, разработанных на основе переводов священных текстов: теорию пословного перевода, теоретиком которой был Евфимий Чудовский, и теорию перевода по смыслу, «неожно», выраженную Симеоном Полоцким [Николаев, с. 88].

ные и художественные сочинения⁵, которые стали печатать гражданским шрифтом на русском языке⁶. К Иностранной коллегии, сменившей прежний переводческий центр – Посольский приказ, добавилась Академия наук; в ней вскоре появились первые переводчики-ученые – В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, которые не только занимались переводами, но и получали задания проверять работы других переводчиков; заметим, что Ломоносов в этом деле часто выступал строгим критиком [Ломоносов, т. 9, с. 619, 628–629].

В деятельности переводчиков первой половины XVIII в., не стесненных духовными доктринами и авторитетами, принципы пословного перевода (воспроизведение каждого слова оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого) сочетаются с «грамматическим подходом», учитывавшим грамматическое своеобразие языка источника и языка-реципиента [Буладин, с. 27, 32]. Исследователи переводов Ломоносова отмечают, что он сохраняет «по возможности все образы подлинника во всей их внутренней взаимосвязи» [Ломоносов, т. 8, с. 868], в его переводах «прослеживается установка на точность передачи содержания и формы, а также способность найти языковые средства для воссоздания стиля»⁷; наконец – что он придерживался правила перевода древних авторов, лаконично сформулированного И. К. Готтшедом: «переводчик обязан близко придерживаться оригинала, но он не должен насиловать свой родной язык» [цит. по: Данько, с. 257].

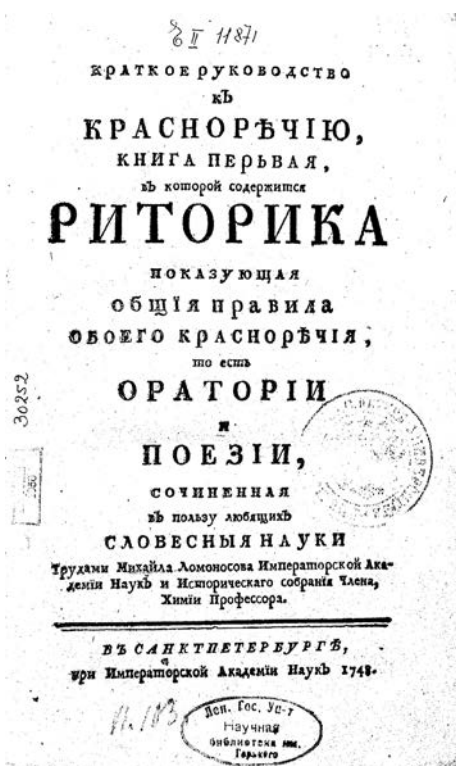
Переводы образцов античной литературы были выполнены М. В. Ломоносовым и напечатаны в 1748 г.⁸ Эти переводы не были самоцелью: переведенные фрагменты были включены им в состав «Риторики», составленной для преподавания соответствующего курса в Академическом университете. По поручению Академии наук Ломоносов выполнил ряд самостоятельных переводов не только с латинского (например, «Вольфианская физика» Л. Ф. Тюммига, «Морская

⁵ О переводах в петровское время см.: [Николаев; Данилевский; Черная]. В Петровскую эпоху русская литература начала активно обогащаться переводами с разных языков, при этом нередко тексты брались из вторых рук, так, «Метаморфозы» Овидия или «Приклады, памяти достойные» (совр. «Достопамятные деяния и изречения») Валерия Максима были переведены в начале XVIII в. с польского, «Лукий, или Осел» Лукиана – с латинского, «Рассуждения» Марка Аврелия – с немецкого и т. д. [Николаев, с. 84, 87, 91]. Допущенными к печати оказывались признанные, «внятные» по смыслу тексты переводов. Множество переводов остались ненапечатанными, потому что язык этих текстов не удовлетворял современников.

⁶ Подробно о том, как менялся язык в печатных текстах в связи с отходом от церковнославянской нормы, см.: [Живов, с. 971–979]; о «лингвистической концепции» Петра I см.: [Там же, с. 949–955].

⁷ Эта цитата А. А. Дерюгина относится к ломоносовским переводам немецкой оды, однако нам кажется, что эту формулировку можно отнести и к переводам фрагментов латинской литературы [Дерюгин, с. 37]. Языку ломоносовских поэтических переводов посвящена отдельная глава в этой же книге [Там же, с. 43–53].

⁸ Переводы из «Риторики» впоследствии были перепечатаны отдельно вместе с латинским текстом [Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе]. Цитаты в этой статье приводятся по комментированному изданию [Ломоносов, т. 7, с. 89–378].

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. СПб.: Имп. Акад. наук, 1748. Титульный лист

Lomonosov, M. V. (1748). A Brief Guide to Eloquence. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. Title page

нены также другими переводчиками¹², в основном в изданиях для учащихся. Всего по-русски были опубликованы 12 речей из 58, 11 писем из более чем 800, 6 философских сочинений из 12. Эти тексты дают богатый материал для сопоставления с ломоносовскими переводами.

наука» Л. Эйлера), но также с немецкого (например, «Ода в день коронования Елисаветы Петровны» И. Г. Бока, научные статьи Г. В. Крафта, «Лифляндская экономия» С. Губерта) и с французского (например, ода «Фортуна» Ж.-Б. Руссо). Немалое количество ссылок на европейскую литературу (от Античности до Нового времени) и переводов отдельных ее фрагментов (принадлежащих большей частью латинским авторам) мы находим в собственных научных сочинениях Ломоносова⁹. Таким образом, переводческая деятельность имела для него преимущественно прикладное, а не самостоятельное литературное значение¹⁰.

Как в новолатинских риториках, так и в «Риторике» самым цитируемым автором был, несомненно, Цицерон: всего Ломоносовым приведено 82 фрагмента из его сочинений¹¹. В XVIII в. переводы из Цицерона на русский язык были выпол-

⁹ Некоторые цитаты приводятся несколько раз в разных по характеру текстах: например, цитата из «Истории Александра Великого» Квинта Курция Руфа встречается и в историческом сочинении, и среди образцов ораторской прозы [Коровин, с. 42].

¹⁰ Мы согласны с мнением А. Н. Егунова о том, что Ломоносов возразил бы, если бы ему приписали профессиональную деятельность переводчика [Егунов, с. 202].

¹¹ Это цитаты из его судебных речей (Cic. Quinct., Rosc. Am., Verr., Font., Leg. Man., Clu., Leg. agr., Cat., Mur., Rab. Post., Arch., Red. Pop., Pis., Mil., в защиту Корнелия (цитата сохранилась в Cic. Orat.), Marcell., Lig., Deiot., Phil.) и из политических и философских сочинений (Cic. Off., Tusc.). Названия речей приводятся по списку сокращений в OCD.

¹² И. Шишкин (1752), его перевод был исправлен и отредактирован М. В. Ломоносовым [Ломоносов, т. 9, с. 631]; Б. Волков (1761), К. Кондратович (1767), И. Посников (1774), Ф. Моисеев (1775), Г. Комов (1779), М. Павлов (1781), К. Орлов (1784), Е. Карнеев (1795).

Для анализа переводческой стратегии Ломоносова мы сопоставим его переводы из Цицерона с переводами К. Кондратовича («Марка Туллия Цицерона двенадцать отборных речей»). Кириак Андреевич Кондратович (1703–1790) работал переводчиком при Академии наук, преподавателем в университетской гимназии. В 1748–1751 гг. вместе с Ломоносовым он занимался составлением «Российского лексикона», вероятно, легшего в основу Словаря Академии Российской [Пекарский, с. 372–37; Летопись РАН, с. 316, 344, 510, 674–675; Ломоносов, т. 7, с. 946–948]. Выполняя перевод почти через 20 лет после Ломоносова, Кондратович скорее всего был знаком с опытом знаменитого предшественника, что одновременно облегчало и затрудняло его задачу – создать новый перевод. Но если первому нужны были отдельные фрагменты, подкрепляющие определения тропов и фигур в его «Риторике», второй переводил целиком речи Цицерона для издания их на русском языке.

Изучение фрагментов речей Цицерона из сборника «*Selectae orationes*» (1735)¹³ показывает, что оба переводчика стремились точно передать содержание текста и риторическую фигуру, то сохраняя, то меняя оригинальный порядок слов. Рассмотрим несколько примеров, например, фрагмент из четвертой речи против Катилины:

Cic. Cat. 4, 18	Ломоносов	Кондратович
Obsessa facibus et telis impiae coniurationis vobis supplex manus tendit patria communis, vobis se, vobis vitam omnium civium, vobis arcem et Capitolium, vobis aras Penatium, vobis illum ignem Vestae sempiternum, vobis omnium deorum templa atque delubra, vobis muros atque urbis tecta commendat [Cicero, p. 172].	Окруженное оружием и пламенем нечестивого злоумышления простирает к вам с молением руки общее отечество: вам себя, вам жизнь всех граждан, вам замок и Капитолию, вам алтари богов домашних, вам всегдашний и вечный огонь, Весте возженный, вам все храмы богов и капища, вам дома и стены градские поручает [Ломоносов, т. 7, с. 291].	Окруженное фитилями и воинскою збруюю безбожного бунта общее отечество с молением к вам свои воздевает руки; вам себя вверяет, вам житие всех Граждан, вам крепость и Капитолию, вам домовья боги, вам оной огонь Вестин и беспрестанной, и вечной, вам все храмы богов и капища, вам стены градския и дома поручает [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 257].

Латинская фраза представляет собой распространенное предложение с двумя однородными сказуемыми, от второго из которых зависят восемь однородных дополнений – словосочетаний, состоящих из местоимения *vobis* и несогласованного определения в форме родительного падежа. Кроме фигуры слова (*повторения*), Цицерон использовал здесь градацию: Рим, оказавшийся в беде из-за действий Катилины и его сообщников, представлен перечислением значимых для римля-

¹³ Этот сборник был приобретен Ломоносовым в Амстердаме в 1738 г. [Коровин, с. 354]. Набор речей, переведенных К. Кондратовичем, показывает, что он мог ориентироваться на тот же сборник, возможно, в другом издании: в его переводе нет речи «В защиту Секста Росция».

нина мест – от наиболее общих (само отечество, крепость) к частным (домашние алтари и очаг).

Начало и конец этого примера (*окруженное... поручает*), а также фраза «вам все храмы богов и капища» у обоих переводчиков совпадают и являются дословной передачей латинских словоформ¹⁴. Перестановка однородных дополнений в ломоносовском переводе (лат. *facibus et telis* – *оружием и пламенем*), на наш взгляд, могла возникнуть для создания аллитерации, которую он мог обнаружить в оригинальном фрагменте (*b – s – s, f – c – b – s*): *Obsessa facibus et telis* – «Окруженное оружием и пламенем» (*p – ж – н, p – ж – м, n – м – н*). Кондратович меняет порядок слов в переводе фразы *vobis supplex manus tendit*, дважды переводит сказуемое *commendat* (*вверяет; поручает*). Добавленное Кондратовичем местоимение «свои» («отечество с молением к вам свои воздевает руки») усиливает олицетворение. Следует также обратить внимание на порядок слов в ломоносовской фразе «вам всегдашний и вечный огонь, Весте возженный» (лат. *vobis illum ignem Vestae sempiternum*). Переводя *sempiternum* двумя определениями (*всегдашний и вечный*), Ломоносов изменил порядок «определяемый объект – определение» в латинской фразе на обратный – такая последовательность выглядит очевидной для носителя современного русского языка, но в начале XVIII в. препозиция и постпозиция прилагательных были употребительны в равной степени [Борковский, с. 412].

Образы *оружие* и *пламя* создают эпическую картину, у Кондратовича упоминание *фитилей* и *збруи* (здесь – «доспехи» [САР, т. 3, ст. 25; СРЯ XI–XVII вв., т. 23, с. 89]) задерживает на конкретных предметах внимание читателя XVIII в., представляющего, вероятно, картину батальи своего времени. Лат. *impia coniuratio* передано у Ломоносова как «нечестивое злоумышление», у Кондратовича – как «безбожный бунт». Слово «бунт» заимствовано в русский язык из немецкого, вероятно, через польское посредство [САР, т. 1, ст. 383; СРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 354]. Между тем редактирование Ломоносовым фрагментов переводов при подготовке «Риторики» к печати имело тенденцию к замене заимствований на исконно русские эквиваленты¹⁵. Фраза

¹⁴ Возможно, в совпадении переводов проявляется зависимость Кондратовича от ломоносовского перевода.

¹⁵ Например, лат. *monile* сначала было переведено словом «монисто», которое затем заменено на «ожерелье» [Ломоносов т. 7, с. 134], хотя в русском языке фиксируется как «монисто» с XI в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 9, с. 260], так и «ожерелье» с XIV в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 12, с. 299]. Таким образом, сначала Ломоносов выбирает в русском языке заимствование, созвучное латинскому слову, но затем склоняется к его замене на исконно русское слово. В правке, которую Ломоносов вносил в переводы при переиздании «Риторики», заметна та же тенденция: лат. *saeremonia* переводится в итоге как «обряд», а не «церемония»: «О публичных молебствах, о величайших играх, о обрядах <Рит. рук. 1747: церемониях> богов домашних и Весты, всех матери...» [Ломоносов, т. 7, с. 258], ср.: *De sacris publicis, de ludis maximis, de Deorum Penatium, Vestaque matris caeremoniis...* (Син. Har. resp. 6, 12). Слово «церемония» встречается у Ломоносова пять раз, из них один раз оно исправлено на «обряд» и три раза зафиксировано в служебных документах (авторство которых зачастую было коллективным); слово «обряд» употребляется 17 раз.

manus tendit у Ломоносова переведена как «простирает... руки» (движение вперед), у Кондратовича это действие описано как движение снизу вверх: «свои воздевает руки». В классических текстах в равной мере засвидетельствовано употребление глагола *tendo* как в первом, так и во втором значении [OLD, p. 1917], так что трудно определить, какой перевод является более точным.

В другом фрагменте, взятом из речи «О Манилиевом законе», Ломоносову и Кондратовичу также удастся балансировать между следованием за структурой латинской фразы и использованием конструкций, привычных русскому читателю:

Cic. <i>Leg. Man.</i> 21, 61	Ломоносов	Кондратович
Quid enim tam novum, quam adolescentulum, privatum, exercitum difficili reipublicae tempore conficere? confecit [Cicero, p. 96].	Что может быть толь новое, как чтобы незнатный отрок в бедственное республике время собрал войско? Однако собрал [Ломоносов, т. 7, с. 265].	И чтож толь новое, как молодцу приватному в смутное и трудное Государству время войско собрать? Собрал [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 150].

В этом фрагменте речь идет о Гнее Помпее Великом, выходец из плебейского рода, сумевшем при этом стать великим полководцем. Цицерон начинает фразу с вопросительного местоимения *quid* (что) и конструкции *tam... quam* («так... как»), от первой части которой зависит оборот Асс. *cum inf.* (*adolescentulum... conficere*). Утвердительный ответ выражен личной формой глагола (*confecit*). Уменьшительная форма лат. *adolescentulus* передает очень юный возраст Помпея, в котором он стал проявлять себя в политической жизни, чем искренне восхищен оратор; определением *privatus* он подчеркивает, что происхождение Помпея было препятствием для общественной деятельности, к тому же положение в стране было тяжелым (*difficili... tempore* в аблативе времени, от которого зависит *rei publicae* в дательном падеже, так называемый *Dativus incommodi*).

В «Риторике» Ломоносова этот фрагмент является одним из примеров «ответствования» (фигуры, при которой автор речи сам отвечает на свой вопрос). За счет повтора и добавления союза «однако», отсутствующего в оригинальном тексте, достигается дополнительный риторический эффект: «собрал... однако собрал». Перевод лат. *privatus* как «незнатный» у Ломоносова указывает на происхождение Помпея; употребленное в переводе Кондратовича заимствование «приватный» впервые зафиксировано в словаре XIX в. в значении «частный, особенный, непубличный» [СЦСРЯ, с. 455], что не соответствует смыслу оригинального текста. При передаче конструкции *difficili reipublicae tempore* Ломоносов и Кондратович сохраняют управление дательным падежом. Слово «республика» зафиксировано

в русском языке уже в текстах XVII в. [САР, т. 5, ст. 117–118; ср. СРЯ XI–XVII вв., т. 22, с. 146], у Ломоносова оно встречается 31 раз применительно к Римской и Новгородской республикам, таким образом, его употребление не ограничивается античным контекстом. Кондратович выбирает «государство», избегая упоминания формы правления, отличной от российской. У Ломоносова инфинитивный оборот *adolescentulum... conficere* заменен зависимым предложением с личной формой глагола, вероятно, для создания фигуры повтора (см. выше). Кондратович следует за синтаксисом латинской фразы, не искажая при этом привычный русский синтаксис [Борковский, с. 393].

Рассмотрев разные возможности передачи латинских синтаксических конструкций в русских переводах Цицерона (всего 38 мест, для которых имеется перевод Ломоносова и Кондратовича), мы приходим к выводу, что причины колебания Ломоносова в «Риторике» между калькированием структуры латинской фразы и ее модификацией в переводе состояли, с одной стороны, в стремлении максимально точно передать рассматриваемую в данном разделе учебника и представленную в латинском примере фигуру красноречия (то есть специфику синтаксической организации текста), а с другой стороны – в попытке усилить в русском переводе риторический эффект, достигаемый за счет лексических и синтаксических средств самого русского языка. Кондратович же переводил не избранные в качестве примеров фрагменты, а текст речи целиком, преимущественно следуя за синтаксисом и порядком слов латинского оригинала.

Ломоносову перевод «слово за слово» (в тех случаях, когда он прибегает к нему в «Риторике») нужен был, чтобы показать саму возможность точного воспроизведения латинского текста на русском и таким образом доказать равенство литературного потенциала русского и латинского языков [Ломоносов, т. 7, с. 391–392]. Об этом Ломоносов упоминает в посвящении к «Российской грамматике», оставляя подробное рассмотрение вопроса на потом: «Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая» [Ломоносов, т. 7, с. 391]¹⁶. Заметим, что в рецензии на первый вариант «Риторике» («Краткое руководство к риторике», 1744) Г. Ф. Миллер предложил написать подготовленный Ломоносовым учебник на латинском языке, а к нему приложить русский перевод, и Ломоносов обещал выполнить эту работу: *Dn. Adj. Lomonossow... vi sententiae Cl-mi Dn. Prof. Mulleri ab Academicis probatae... id quod se facturum promisit* [Сухомлинов, прим., с. 19]. Вероятно, Ломоносов полагал, что параллельное издание латинского оригинала и русского перевода только подчеркнет достоинства русской версии, ср. его рассуждения о русском стихе:

¹⁶ Вероятно, он предполагал показать возможности русского языка в своей работе о переводах, но, кроме плана и упоминаний, об этом нам ничего не известно [Ломоносов, т. 7, с. 622, 763, 767].

Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может [Ломоносов, т. 7, с. 13].

Использование Ломоносовым дословного перевода имеет также практическое значение для историков литературы и позволяет, в частности, точно установить источник перевода, когда цитата бралась из других риторических пособий. Так, например, в приведенном ниже случае сопоставление текстов показывает, что Ломоносов иногда переводил Цицерона по многократно издававшемуся риторическому руководству «*Candidatus Rhetoricae*» французского писателя и филолога Франсуа Помея (1618–1673)¹⁷:

Ломоносов	Помей	Cic. Cat. 2, 1
Мы его, уже напоследи дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили [Ломоносов, т. 7, с. 56].	<i>Illum tandem aliquando, furem audacia, scelus anhelantem, pestem Senatui nefarie molientem, bonis omnibus exitum machinantem, emisimus, ejecimus, eliminavimus</i> [Pomey, p. 63].	<i>Tandem aliquando, Quirites, L. Catilinam, furem audacia, scelus anhelantem, pestem patriae nefarie molientem, vobis atque huic urbi ferro flammaque minitantem ex urbe vel eiecimus vel emisimus vel ipsum egredientem verbis prosecuti sumus</i> [Cicero, p. 124].

Вторая речь против Катилины начинается обращением к римлянам (*Quirites*), Катилина упомянут по имени, его действия описаны при помощи градации от эмоций к действиям: *furens* («бесящийся»), *anhelans* («задыхающийся»), *molient* («замышляющий»), *minitans* («грозящий»). Действия римлян описаны иначе – как более рассудительных людей, они расположены в иной последовательности нарастания эмоций: *eiecimus* («изгнали»), *emisimus* («выслали»), *prosecuti sumus* («проводили»).

У Помея, как и у Цицерона, выстроена градация из причастий, но вместо фразы *vobis atque huic urbi ferro flammaque minitantem* (букв. «вам и этому городу оружием и огнем грозящего») употреблена фраза *bonis omnibus exitum machinantem* (букв. «замышляющего гибель всему состоянию»). Действия римлян выражены у Помея только сказуемыми (последнее из них снова изменено по сравнению с текстом Цицерона), значение которых показывает изменение степени негодования римлян: *emisimus* («выслали»), *ejecimus* («изгна-

¹⁷ Учебник Ф. Помея основан на популярном в XVI–XVII вв. позднеантичном учебнике «Прогимнасмата» Афтония Антиохийского.

ли»), *eliminavimus* («выгнали»). В критических изданиях такого рода разночтения не зафиксированы, таким образом, этот текст представляет собой сильно измененный Цицероновский текст.

Данный текст приведен Ломоносовым в качестве примера «однознаменательных слов (то есть синонимов. – А. С.), присовокупленных друг к другу ради сильнейшего и яснейшего представления речи» в «Кратком руководстве к риторике» (1744). В его тексте, как и у Помея, отсутствует обращение к римлянам, имя Катилины заменено на местоимение, а «отечество» (*patria*) – на «сенат» (*senatus*). Как показали исследования, источниками цитат для Ломоносова, помимо оригинальных изданий, были также риторики Н. Коссена [Будилович, прил. 3, с. 48, 59, 67; Сухомлинов, прим., с. 417, 483–484], М. Радау [Костин, Николаев], Г. Фосса [Костин].

Что касается лексики переводов Ломоносова, мы хотели бы обратить внимание на передачу терминов, обозначающих специфические античные реалии и, таким образом, помещающих примеры риторического учебника в определенный исторический и культурный контекст (например, лат. *Penates* – *домашние боги*). Многие из них были уже заимствованы в русский язык в предыдущие века и фиксировались в письменных источниках (например, *республика*). Тенденция к замене исторических реалий на современные российские заметна также в переводах Кондратовича, впрочем, следование одинаковому с Ломоносовым принципу перевода не гарантировало точности в подборе эквивалентов, например, в переводе фрагмента из «Речи в защиту поэта Архия» (Cic. Arch. 8, 19): *Homerum Colophonii civem esse dicunt suum, Chii suum vendicant: Salaminii repetunt: Smyrnaei vero suum esse confirmant: itaque etiam delubrum ejus in oppido dedicaverunt* [Cicero, р. 188] – «Гомера колофоняна **гражданином** своим называют, хиана себе присвоят, саламиняна того же требуют, смирянна в том утверждают, что он их собственный, и для того **капище** <Рит. рук. 1747: храм> в честь его в своем городе построили» [Ломоносов, т. 7, с. 178]; ср. у Кондратовича: «Колофонийцы доказывают, что Гомер их **дворянин**, хийцы своим называют, саламинцы себе присвоят, а смиренцы доводят, что он их; и для того **часовню** ему в городе поставили» [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 16].

Античные этнонимы в переводе Ломоносова переданы формами с *-ан/-ян*, у Кондратовича – наименованиями с суффиксом *-и/-ениц-*. Кондратович переводит лат. *cives* как «дворянин», учитывая существование сословий в России (Гомер не мог быть ниже дворянина), Ломоносов выбирает более нейтральное понятие: Гомер – гражданин, то есть свободный житель Колофона. Лат. *delubrum* в переводе Кондратовича – «часовня» – специфическое обозначение христианского святилища; в переводе Ломоносова – более точный термин «капище», обозначавший языческий храм [СРЯ XI–XVII вв., т. 7, с. 64].

Изучение переводов из Цицерона в «Риторике» показало, что при передаче латинского текста Ломоносов преимущественно руко-

водствуется задачами учебного пособия – представить фигуры речи и показать возможность их употребления в русском языке, для этого в отдельных случаях более удобным оказывается дословный перевод, в других – использование свойственных языку конструкций; при переводе лексики основной тенденцией становится поиск исконно русских эквивалентов или слов, значение которых понятно широкому читателю, не только знатоку Античности.

При подготовке учебного пособия по риторике Ломоносов продемонстрировал, что образцы западноевропейского красноречия сохраняют риторические достоинства в русском переводе, именно этот аспект переводческой деятельности он подчеркивал:

Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virgiliева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем [Ломоносов, т. 7, с. 392].

Список литературы

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М. : КомКнига, 2006. 512 с.

Будилович А. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог : С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб. : Печатня В. Головина, 1869. VIII, 120, 72 с.

Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 17–73.

Данилевский Р. Ю. 1725 – начало 1760-х годов : Классицизм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 94–141.

Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Сб. 2. С. 248–275.

Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский – переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 191 с.

Егунов А. Н. Ломоносов – переводчик Гомера // Литературное творчество М. В. Ломоносова / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 197–218.

Живов В. М. История языка русской письменности : в 2 т. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1961. 487 с.

Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Т. 2. С. 9–34. DOI 10.22601/SR.2015.02.01.

Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. Вып. 7.

М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 41–53.

Летопись РАН : в 4 т. / сост. Е. Ю. Басаргина [и др.]. СПб. : Наука, 2000. Т. 1. 1724–1802. 994 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1983.

Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей : для российского юношества Академии наук коллежским ассессором Кириком Кондратовичем с латинского языка переведены. СПб. : [Тип. Имп. Сухопут. шляхет. кадет. корпуса], 1767. 408 с.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha : Univerzita Karlova, 1976. 145 с.

Николаев С. И. Первая четверть XVIII века : Эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 74–93.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1873. Т. 2. LVIII, 1042 с.

Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе : в 3 кн. / [под ред. Дамаскина (Д. Е. Семенова-Руднева)]. М. : Тип. Императ. Моск. ун-та, 1778. Кн. 2. С. 335–453.

САР – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1789–1794.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.

Сухомлинов М. И. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова : в 5 т. СПб. : Имп. Акад. наук, 1895. Т. 3. 567 с.

СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847.

Черная Л. А. Принципы перевода зарубежной литературы в петровское время // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий : материалы междунар. науч. конф. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2019. С. 170–175.

Шабана И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 21–37.

Botley P. Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Erasmus. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 220 p.

Cicero M. T. Selectae orationes. Cum Christophori Cellarii argumentis, Rhetorico Artificio, Verborum, Rerum ac Rituum interpretationibus / subjunxit Arn. Henr. Westerhovius. Amstelaedami : J. Wetstenii & G. Smith, 1735. 472 p.

Gillespie S. Translation // The Classical Tradition / ed. by A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2010. P. 948–953.

Haßler G. Übersetzung // Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts : 2 Bde. / Hrsg. von G. Haßler, C. Neis. Berlin : De Gruyter, 2009. Bd. 2. S. 1020–1037. DOI 10.1515/9783110212624.

Korenjak M. Geschichte der neulateinischen Literatur. Vom Humanismus bis zur Gegenwart. Munich : C. H. Beck, 2016. 304 S.

OCD – Oxford Classical Dictionary / ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. 4th Ed. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. 1792 p.

OLD – Oxford Latin Dictionary / ed. P. G. W. Glare. Oxford : Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Pomey F.-A. Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii Progymnasmata. In optimam formam usumque redacta. Monachii : I. W. Schell, 1664. 542 p.

Translation – Theory and Practice: A Historical Reader / ed. by D. Weissbort, A. Eysteinsson. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. 649 p.

References

- Basargina, E. Yu. [et al.] (Eds.). (2000). *Letopis' RAN v 4 t.* [Chronicle of the Russian Academy of Sciences. 4 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 1724–1802. 994 p.
- Borkovskii, V. I., Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, KomKniga. 512 p.
- Botley, P. (2004). *Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Erasmus.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 220 p.
- Budilovich, A. (1869). *M. V. Lomonosov kak naturalist i filolog. S prilozheniyami, soderzhashchimi materialy dlya ob'yasneniya ego sochinenii po teorii yazyka i slovesnosti* [M. V. Lomonosov as a Naturalist and Philologist. With Appendices Containing Materials Explaining His Essays on the Theory of Language and Literature]. St Petersburg, Pechatnya V. Golovina. VIII, 120, 72 p.
- Bulanin, D. M. (1995). *Drevnyaya Rus' [Ancient Russia].* In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 17–73 p.
- Chernaya, L. A. (2019). Printsipy perevoda zarubezhnoi literatury v petrovskoe vremya [Principles of the Translation of Foreign Literature in the Time of Peter the Great]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 170–175.
- Cicero, M. T. (1735). *Selectae orationes. Cum Christophori Cellarii argumentis, Rhetorico Artificio, Verborum, Rerum ac Rituum interpretationibus. Subjunxit Arn. Henr. Westerhovijs.* Amstelaedami, J. Wetstenii & G. Smith. 472 p.
- Damaskin (Semenov-Rudnev, D. E.). (Ed.). (1778). *Pokoinago statskago sovetnika i professora Mikhaily Vasil'evicha Lomonosova sobranie raznykh sochinenii v stikhakh i v proze v 3 kn.* [Late State Councilor M. V. Lomonosov's Collected Works in Verse and Prose. 3 Books]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Book 2, pp. 335–453.
- Danilevskii, R. Yu. (1995). 1725 – nachalo 1760-kh godov. Klassitsizm [1725 – Early 1760s. Classicism]. In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 94–141.
- Dan'ko, E. Ya. (1940). Iz neizdannykh materialov o Lomonosove [From Unpublished Materials about Lomonosov]. In *XVIII vek.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 2, pp. 248–275.
- Deryugin, A. A. (1985). V. K. Trediakovskii – perevodchik. Stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii [V. K. Trediakovsky as a Translator. The Formation of Classical Translation in Russia]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 191 p.
- Egunov, A. N. (1962). Lomonosov – perevodchik Gomera [Lomonosov as a Translator of Homer]. In Berkov, P. N., Serman, I. Z. (Eds.). *Literaturnoe tvorchestvo Lomonosova.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, pp. 197–218.
- Gillespie, S. (2010). Translation. In Grafton, A., Most, G. W., Settis, S. (Eds.). *The Classical Tradition.* Cambridge, Harvard Univ. Press, pp. 948–953.
- Haßler, G. (2009). Übersetzung. In Haßler, G., Neis, C. (Hrsg.). *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts.* 2 Bde. Berlin, De Gruyter. Bd. 2, S. 1020–1037. DOI 10.1515/9783110212624.
- Kondratovich, K. (Ed.). (1767). *Marka Tulliia Tsitserona Dvenadtsat' otbornykh rechei. Dlya rossiiskogo yunoshestva Akademii nauk kollezhskim assessorem Kiriyaikom Kondratovichem s latinskago yazyka perevedeny* [Twelve Selected Orationes of Cicero as Translated from the Latin Language for the Russian Youth of the Academy of Sciences by Collegiate Assessor Kiriyaik Kondratovich]. St Petersburg, [Tipografiya Imperatorskogo Sukhoputnogo shlyakhetnogo kadetskogo korpusa]. 408 p.
- Korenjak, M. (2016) *Geschichte der neulateinischen Literatur. Vom Humanismus bis zur Gegenwart.* Munich, C. H. Beck. 304 S.
- Korovin, G. M. (1961). *Biblioteka Lomonosova* [Lomonosov's Library]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 487 p.
- Kostin, A. A. (2015). Tvorcheskaya istoriya „Kratkogo rukovodstva k krasnorechiyu“ M. V. Lomonosova v svete kompiliatsionnykh istochnikov (novye materialy) [A Creative

History of Mikhail Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence* in the Light of Some Compilations (New Perspectives)]. In *Slavica Revalensia*. Vol. 2, pp. 9–34. DOI 10.22601/SR.2015.02.01.

Kostin, A. A., Nikolaev, S. I. (2013). Neuchtennyi istochnik ritoriki Lomonosova ("Orator bez podgotovki" M. Radau) [An Unaccounted Source of Lomonosov's Rhetoric (*Orator extemporaneus* by M. Radau)]. In *Chteniya otdela russkoi literatury XVIII v.* Iss. 7. M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhanie v russkoi literature XVIII veka. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo, pp. 41–53.

Lomonosov, M. V. (1950–1983). *Polnoe sobranie sochinenii v 11 t.* [Complete Works. 11 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Matkhauzerova, S. (1976). *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of the Art of Literature]. Praha, Univerzita Karlova. 145 p.

Nikolaev, S. I. (1995). Pervaya chetvert' XVIII veka. Epokha Petra I [The First Quarter of the 18th Century. Peter the Great's Era]. In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 74–93.

OCD – *Oxford Classical Dictionary* / ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. (2012). 4th Ed. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 1792 p.

OLD – *Oxford Latin Dictionary* / ed. P. G. W. Glare. (1968). Oxford, Clarendon Press. 2126 p.

Pekarskii, P. P. (1873). *Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge v 2 t.* [The History of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 2. LVIII, 1042 p.

Pomey, F.-A. (1664). *Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii Progymnasmata*. In optimam formam usumque redacta. Monachii, I. W. Schell. 542 p.

SAR – *Slovar' Akademii Rossiiskoi v 6 ch.* [The Dictionary of the Russian Academy. 6 Parts]. (1789–1794). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Shabaga, I. Yu. (2009). Osobennosti perevoda s drevnikh yazykov [Peculiarities of Translation from Ancient Languages]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 21–37.

SRYa XI–XVII vv. – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A Dictionary of the Russian Language of 11th–17th Centuries]. (1975–2015). Iss. 1–30. Moscow, Nauka.

STsSRYa – *Slovar' tserkovnoslavianskago i russkogo yazyka* [A Dictionary of Church Slavonic and Russian]. (1847). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Sukhomlinov, M. I. (1895). *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova v 5 t.* [Lomonosov's Works with Notes by M. I. Sukhomlinov. 5 Vols.]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 3. 567 p.

Weissbort, D., Eysteinson, A. (Eds.). (2006). *Translation – Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford, Oxford Univ. Press. 649 p.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti v 2 t.* [A History of the Language of Russian Writing. 2 Vols.]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2. 480 p.

The article was submitted on 01.11.2019